

нет, он различается и раздробляется на множество особенных, также непреходящих законов. Кроме этого, внутренний мир законов не мог бы быть действительным, существенным, не мог бы быть истинным, если бы он не имел проявления в ничтожной сфере явлений. Внутренний мир законов есть внутренний только в отношении к проявляющему его миру внешних явлений; и потому рассудочное сознание должно обратиться к последнему, должно *наблюдать* его, для того чтоб отыскать в нем проявляющиеся в нем законы, которые, как бы ни были многообразные явления, всегда остаются *себе равными и неизменяемыми*. Если закон открыт, то внешнее многообразие непосредственного пребывания, в котором он является, теряет всякое значение, как ничтожное и несущественное. Закон неизменяем, внешнее же проявление его беспрестанно изменяется. Закон преломления лучей, например, везде и всегда один и тот же, но внешнее пребывание, внешнее явление этого закона беспрестанно видоизменяются внешними и случайными обстоятельствами, так что ни одно не похоже на другое. Но многообразие и случайность единичных явлений в противоположность единству и необходимости всеобщего закона ничтожны для познающего рассудка, который вникает в них не для того, чтоб на них остановиться, но для того, чтоб отвлечь от них всеобщий неизменяемый закон. Вследствие этого предметный мир распадется для сознающего рассудка на два противоположные мира: 1) на *существенный внутренний мир законов* и 2) на *ничтожный мир их внешнего проявления*; последний, как находящийся между сознающим рассудком и внутренним миром, отделяет их друг от друга и не допускает непосредственного отношения одного к другому. Рассудок относится к внутреннему миру законов не непосредственно, но через посредство внешнего мира явлений. Но различие обоих миров, внутреннего и внешнего, – неистинное и несущественное различие: закон есть не что иное, как всеобщее и неизменяемое выражение изменяющегося явления, которое, в свою очередь, не более как конкретное обнаружение закона, обнаружение, различающееся от всеобщности закона только случайными и ничтожными видоизменениями. Вследствие этого содержание чувственной внешности и сверхчувственной внутренности совершенно одинаково, и сознающий рассудок, относясь к внешнему миру явлений, непосредственно относится к внутреннему миру законов. Рассмотрим теперь это отношение.

Он относится к нему как во вне его и независимо от него находящемуся, как к самостоятельному предмету его познания и как *истине* в противоположность себе как неистинному. Вследствие этого сознающий рассудок должен, безусловно, с ним соотноситься и не должен позволять себе ни малейшего изменения. Он отвлекает от ничтожного многообразия внешности и, возвысившись до внутренней сущности как физического, так и духовного мира, находит в нем *существенное многообразие вечных, неизменяемых законов*. Что же такое эти законы? Они уже – не непосредственные единичности и не чувственные всеобщности, как предметы чувственной достоверности и опытного наблюдения, но чистые, сверхчувственные всеобщности – *мысли*, происшедшие для сознания через его *собственную* сознающую деятельность и через его *собственное* отвлечение от всего особого и чувственного. Но как *мысли* они перестают быть внешними и чуждыми для познающего рассудка, потому что мысли суть собственные определения (Bestimmungen), собственная внутренняя принадлежность рассудка; и потому *объективные*, т. е. действительно сущие, с одной стороны, они, с другой стороны, *субъективные* мысли, т. е. мысли, мыслимые познающим субъективным сознанием. Таким образом, сознание, считавшее до сих пор все принадлежащее ему и все от него происходящее за неистинное и за несущественное, собственным имманентным (присущим) движением своим доходит до сознания истинных своих *собственных* мыслей, до сознания, что они, несмотря на то что они – его мысли, имеют объективную действительность. Сознание другого, внешнего объекта превратилось в сознание *своих собственных* мыслей, своей собственной сущности, *самого себя* как истины и становится *самосознанием*.

Но тут является новое противоречие. Познавая законы как физического, так и духовного мира, рассудочное сознание познает свои собственные определения, свои собственные мысли; и, несмотря на это, оно познает их как нечто вне его находящееся и ему чуждое. Эмпирически познающий рассудок получает их через отвлечение от внешнего многообразия чувственной достоверности опытного наблюдения; он принимает, но не понимает их, не находит себя в них. Вследствие этого эмпирики и теоретики беспрестанно отрицают возможность действительного проникновения во внутреннюю сущность и необходимость законов; но эти законы – его *собственные мысли*; да, его познающее сознание, единое и нераздельное по своей сущности, не может найти себя в *анархическом* многообразии законов; но эти законы – его *собственные мысли*; да, его собственные, но только *изолированные, раздроб-*